

-
10. Leksicheskaya osnova russkogo yazyika: kompleksnyy uchebnyy slovar: [10 000 leksicheskikh edinit] / pod red. V. V. Morkovkina. 2-e izd. M.: Rus-skiy yazyik, 2004. 1167 s.
  11. Leksicheskiy minimum po russkomu yazyiku kak inostrannomu. Vtoroy sertifikatsionnyy uroven. Ob-schee vladenie / pod red. N. P. Andryushinoy. 7-e izd. SPb.: Zlatoust, 2017. 164 s.
  12. *Malyishev G. G.* Glagol vsemu golova: uchebnyy slovar russkih glagolov i glagolnogo upravleniya dlya inostrantsev. Vyip. 1: Bazovyy uroven. SPb.: Zlatoust, 2005. 144 s.; Vyip. 2: Pervyy sertifikatsionnyy uroven. SPb.: Zlatoust, 2006. 448 s.
  13. Russkaya grammatika. T. 2. M.: Nauka, 1980. 710 s. (Grammatika-80)
  14. *Skvortsova G. L., Chumakova G. N.* Russkie glagoly: tetrad-slovar dlya studenta-inostrantsa: pervyy sertifikatsionnyy uroven. M.: Russkiy yazyik. Kursyi, 2013. 228 s.
  15. Slovar russkogo yazyika: v 4 t. / pod red. A. P. Evgenevoy. 4-e izd., ster. M.: Russkiy yazyik: Poligrafresursyi, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/> (MAS)
  16. Testyi, testyi, testyi...: posobie dlya podgotovki i sertifikatsionnomu ekzameni po leksike i grammatike. II sertifikatsionnyy uroven. 10-e izd. SPb.: Zlatoust, 2017. 152 s.
  17. <http://www.web-corpora.net/RLC/rulec> — RULEC (Russian Learner Corpus, Russkiy uchebnyy korpus).
  18. <http://www.ruscorpora.ru> — Natsionalnyy korpus russkogo yazyika (The Russian National Corpus).

О. В. Аксенко, Е. В. Сергеева

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ДЕТСТВА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. АСТАФЬЕВА
(на материале повествования в рассказах «Царь-рыба»
и романа «Печальный детектив»)**

Статья посвящена проблеме специфики художественного и беллетристического дискурса. Рассматривается индивидуально-авторский образ детства в творчестве В. Астафьева.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, лингвистический анализ художественного текста, трансформация значения, образ автора, категория экспрессивности.

О. Aksenko, E. Sergeeva

**FEATURES OF THE LINGUISTIC IMAGE OF CHILDHOOD
IN THE WORKS OF V. ASTAFIEV
(by the Material of the Narrative in the Stories «Tsar-Ryba»
and the Novel «Pechalnyi Detektiv»)**

The article deals with the problem of the artistic and fictitious discourse's specificity. The author's image of childhood at the works of Victor Astafyef are considered.

Keywords: discourse, artistic discourse, linguistic analysis of a literary text, transformation of the meaning, the author's image, expressivity.

Дискурсивные исследования стали одним из магистральных направлений в российской лингвистике. Предметом исследования современных лингвистов были религиозный дискурс, философский и религиозно-философский дискурс, политический дискурс. Художественный дискурс служил

предметом внимания исследователей многократно, причем это понятие до сих пор трактуется по-разному. В. П. Руднев определяет художественный дискурс (далее — ХД) как вторичное языковое образование по сравнению с обыденным речевым дискурсом, утверждая, что экстенционалом

художественного высказывания является само это высказывание как составляющая первичного речевого контекста [7]. Н. С. Олизко считает, что «литературно-художественный дискурс» — это совокупность художественных произведений, «выступающих результатом толерантного взаимодействия авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста, выводящего произведение в пространство семиосферы» [6].

Т. Б. Самарская и Е. Г. Мартиросьян в статье «Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста» под художественным дискурсом предлагают понимать «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, личные знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить "духовное пространство" человека...» [9], хотя, как представляется авторам статьи, это определение уделяет слишком большое внимание содержательной стороне вопроса и грешит недостатком внимания к его лингвистической стороне.

Л. В. Миллер кратко характеризует ХД как пространство существования и трансформации художественных смыслов [4], выделяя, таким образом, именно семантическую сторону понятия. Как представляется, ее дефиниция наиболее точно представляет сущность этой разновидности дискурса: «...Художественный дискурс — это исторически сложившаяся и обусловленная художественной картиной мира специфическая структурированная форма языкового существования разнородных смыслов, представляющая собой пространство рассеянного множества художественных высказываний, упорядоченных на основе тематического принципа и детерминированных эстетически» [4, с. 133].

Следует обратить внимание на уникальность и «эстетичность» ХД, а также на то, что нарративность этого дискурса, в сущности, мнимая, ибо относится к трансформированной, сконструированной, вымышленной художником слова реальности. Поэтому представляется наиболее полным следующее определение: **художественный дискурс** — это уникальный языковой коммуникативно-эстетический полиморфный интертекстуальный феномен, мнимая нарративность которого относится к виртуальной реальности, замещающей истинную с целью ее творческого преображения.

Среди признаков художественного дискурса можно выделить два, как представляется, наиболее важных — лингвоцентричность и индивидуальную образность. Понятие эстетического «приращения смысла», о котором писал Б. А. Ларин [3] как об одной из важнейших особенностей художественного текста, связано именно с лингвоцентричностью. Построение любого тропа также основано на интерпретации лексического значения языковой единицы. При этом лингвоцентричность ХД связана не только со значимостью художественной образности, но и с особой многозначностью лексической единицы в этом дискурсе, создающей специфическое «мерцание смыслов» (термин З. Г. Минц, использованный для номинирования совсем иного эстетического феномена). Что касается индивидуальной образности, ориентированной на окказиональность, то необходимо учитывать, что ХД по природе своей ориентирован на эстетическое, и прежде всего образное, воспроизведение реальности, а это образное воспроизведение, в свою очередь, осуществляется за счет языковых единиц, и прежде всего трансформации семной структуры слова в минимальном или широком контексте. Следовательно, образность ХД зиждется на особенностях языка общенационального и индивидуально-авторского, а лингвоцентричность определяет специфику экспликации художествен-

ной картины мира (ХКМ) писателя, воплощенную в ХД. Индивидуальные приращения смысла, характерные для идиостиля любого автора истинно художественного произведения, можно считать неотъемлемым признаком и характерной чертой ХД. В полной мере сказанное относится к тому, как создается образ детства в произведениях В. Астафьева.

Представление образа детства в художественных текстах этого автора обусловлено его ХКМ. В произведениях В. Астафьева характерное для него сугубо индивидуальное восприятие детства становится художественным образом. Особенность мировосприятия писателя состоит прежде всего в том, что включение в ассоциативно-семантическое поле «детство» лексических единиц с отрицательными коннотациями невозможно. Для репрезентации образа детства в произведениях В. Астафьева характерны изображение и осмысление мира и человека прежде всего с точки зрения «идеального детства».

Рассмотрим относящиеся к двум важным для представления ХКМ В. Астафьева произведениям — повести «Царь-рыба» и роману «Печальный детектив» — показательные примеры, которые демонстрируют индивидуально-авторское восприятие детства писателем.

«Ах, детство, детство! Все-то в его глазах нарядно, велико, необъятно, исполнено тайного смысла, все зовет подняться на цыпочки и заглянуть туда, "за небо"» («Царь-рыба»); «Помнишь золотое наше детство» («Печальный детектив») [1].

Сравним образ детства у В. Астафьева со словарной дефиницией лексемы «детство»:

ДЕТСТВО Детский возраст, детские годы [10].

ДЕТСТВО Ранний, до отрочества, возраст; период жизни в таком возрасте [5].

Дефиниция в словаре нейтральна, в ней отсутствует оценочность. В контекстах, которые конструирует В. Астафьев, лексическое значение слова «детство» намерен-

но эстетизируется в соответствии с картиной мира писателя. Значение слова демонстрирует положительную оценку автором всего, что связано с образом детства. Семы «ярко», «празднично», выделяющиеся в структуре значения, позволяют говорить о дополнении В. Астафьевым актуального смысла слова «детство». В дефиниции, которую можно сформулировать на основе представлений писателя, подчеркивается, что «детство» — это самое счастливое время в жизни каждого человека. Это подчеркивается дефинициями эпитетов *золотой* и *нарядный*.

ЗОЛОТОЙ 4. *перен.* Замечательный по своим достоинствам, прекрасный, очень хороший;

5. *перен.* Счастливый, благоприятный; блестящий, великолепный;

6. *перен.* (в обращении). Дорогой, любимый [10].

НАРЯДНЫЙ см. красивый [11].

Весь мир представлен с точки зрения «идеального детства». Не случайно поэтому взрослые герои-повествователи и герои повествования В. Астафьева часто вспоминают те минуты *золотого* детства, когда *«ты никакими еще воспоминаниями не нагрузил память <...> только чувствовал кожей мир вокруг, привыкал глазами к нему, прикреплялся к древу жизни коротеньким стерженьком того самого листа, каким ощутил себя сейчас вот, в редкую минуту душевного покоя...»* («Царь-рыба») [1].

В данном и подобных контекстах одновременно реализуются разные точки зрения на один и тот же фрагмент действительности. Для повествования, которое конструирует В. Астафьев, характерно совмещение временных планов прошедшего (по отношению к моменту речи рассказчика): *чувствовал, привыкал, прикреплялся*, и настоящего (ситуация рассказывания): *ощутил сейчас вот*. В повествовании сопрягаются наивная точка зрения ребенка и точка зрения взрослого героя-рассказчика: действие снова происходит *сейчас*, в мо-

мент рассказывания, так же как происходило *тогда*, в прошлом, со всеми деталями и подробностями.

Можно однозначно утверждать, что субъект речи в повествовании В. Астафьева совмещает в себе два эмоционально-образных взгляда. При этом обращает на себя внимание тот факт, что весь комплекс эмоциональных созначений сохраняется в тексте. Все эмоциональные семы в значениях создают картину идеального детства, актуализируют сему «идеальное», «прекрасное». Лексемы «детство», «счастье», «любовь», «радость», «добро», «сказка» сближаются: *«хорошо бы почувствовать свой предел, отправиться на Боганиду и лечь среди тундры на мох, под свитые корни стлаников рядом с теми людьми, которые любили тебя в детстве и которых любил ты»* («Царь-рыба»); *«достопримечательность, путевая веха, память детства и добрый приют людей»* («Печальный детектив») [1]. Подобные примеры будут приведены также ниже.

По-видимому, ассоциативной доминантой повествования В. Астафьева нужно считать точку зрения «идеального детства». Эта эмоционально-образная детская точка зрения может смещаться в сторону более рациональной, осознающей, взрослой точки зрения. При этом детская точка зрения не настолько наивна, чтобы считаться примитивной. Нам кажется возможным применить наблюдение лингвиста об эмотивном пространстве «Оды огороду» к анализируемому художественному произведению: «Все, о чем пишет писатель, увидено ЕГО ДЕТСКИМИ ГЛАЗАМИ И ОСМЫСЛЕНО ЕГО РАЗУМОМ УМУДРЕННОГО ЖИЗНЬЮ ЗРЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА. Отсюда и особая зоркость зрения, и особая яркость красок: так можно видеть лишь в детстве, когда все в первый раз» [2, с. 50].

Несмотря на то что лексема «детство» в произведениях В. Астафьева может употребляться в контекстах с отрицательными оценочными семами, значение лексемы —

«идеальная, самая счастливая пора в жизни каждого человека».

Эмотивная точка зрения взрослого связывается с мотивами понимания мира. Когда ребенок начинает задумываться, он начинает взрослеть. Мотив *взросления* реализуется в художественных текстах В. Астафьева при помощи семы «понимать», то есть «познавать, сознавать, постигать, разуметь, уразумевать, раскусить, смекать, соображать, прозреть, разобрать, вникнуть, проникнуть (в смысл), освоиться с чем, схватить (умом), обнять (умом), видеть, смыслить, знать толк в чем-нибудь, в толк взять» [11]. Чем старше становится человек, тем больше он познает мир, тем чаще сталкивается со злом и несправедливостью. Воспоминания о детстве, даже детскость взрослых героев (рассказчик, Аким, Сошнин) оказывается следствием все той же живительной силы одухотворенной атмосферы детства.

Образ детства не идеализирован писателем, речь идет о том, что в детстве все видится, слышится и чувствуется по-другому, ярко, живо, празднично, как никогда больше: *«теперь только начинал понимать, что времени все же минуло немало, что я вырос и, видать, окончательно отделился от всего, что я видел и слышал в Игарке, что вижу и слышу на пути в Сушиково»* («Царь-рыба»); *«Он передернул плечами, стряхивая с себя наваждение вкрадчивой сказочки, настраиваясь внутренне сопротивляться ахинее, на которую покупался он в детстве... Но ныне-то... Он человек современный, грубошерстный, крепленный костью и жилами, работой в органах»* («Печальный детектив»); *«...и опять, в который уж раз, начал мне повествовать про тот цветок, который однажды весной, в далеком детстве, нашел он в тундре возле Боганиды»* («Царь-рыба») [1]. Понимать значит взрослеть, значит осознавать сложность мира, видеть зло в мире, в людях и даже в самом себе. Несмотря на использование экспрессивно окрашенных лексем, относящихся к детству (*наваждение сказочки*,

ахиня, покупался), однозначно положительное отношение автора к детству не меняется.

В каждом из представленных фрагментов повествование ведется от лица взрослого человека, умудренного жизнью, неравнодушного к тому, что происходит с природой и с душой современника. Антиномия детского и взрослого взглядов (*видел и слышал — вырос, отделился, вижу и слышу; в далеком детстве нашел — в который раз начал повествовать*) при доминантной точке зрения «идеального детства» организует эмотивное пространство повествования.

Тема детства в творчестве В. Астафьева тесно связана с темой памяти и совести. В художественном мире В. Астафьева память и совесть не только нравственные, но и философские понятия: «...и я подумал: "Аким начинает ощущать годы, чувствовать груз памяти"» («Царь-рыба»); «Чувство усталой, безысходной тоски навалилось на него — с ним всегда так, с детства: при обиде, несправедливости, после вспышки ярости, душевного потрясения, не боль, не возмущение, а пронзительная, все подавляющая тоска овладевала им» («Печальный детектив») [1].

В беспомощности взрослые герои В. Астафьева ощущают себя, как в детстве, когда ничего не помнят. Мироззрение, мироощущение и поведение взрослых героев основано на том, что детство — радостная, золотая пора, потому что ты никакими воспоминаниями не нагрузил память. Не случайно в трудные минуты герои ведут себя, как в детстве: «человек схватил ее, подсунул под себя и, как в детстве на дощечке, погребся наперекор течению, сквозь этот бесконечнодвигающийся снег» («Царь-рыба») [1].

Детство — сказочное, счастливое время в жизни каждого человека. Важным для организации эмотивного пространства является тот факт, что отношение к детству как идеальному миру, наполненному любовью, не противоречит настороженному отношению В. Астафьева к человеку, даже к ребенку: «Нет на него управы. Вечный

арестант и бродяга... Мать со свету свел... Он с детства экий...» («Печальный детектив»); «Барачного производства малый, плохо в детстве кормленный, слабосильный, но, судя по судачьему прикусу сморщенного широкого рта, до потери сознания психопаточный. За пазухой у него ножик» («Печальный детектив») [1]. Совмещение в приведенных контекстах временных планов и точек зрения позволяет эксплицировать идею о жестоком, немилосердном, безжалостном отношении некоторых взрослых ко всему живому. Показательно, что В. Астафьев не называет ни одного из таких героев человеком, заменяет номинацию экспрессивно окрашенными лексемами (*арестант, бродяга, барачного производства малый*).

Рассмотрим словарные дефиниции.

АРЕСТАНТ Устар. Тот, кто содержится под арестом [10].

БРОДЯГА 1. Обнищавший, бездомный человек, скитающийся по разным местам [8].

БРОДЯГА 1. Обнищавший человек, не имеющий постоянной работы и постоянного местожительства [6].

БАРАК 1. Легкая постройка, предназначенная для временного жилья [10].

МАЛЫЙ² 1. То же, что парень (в 1 знач.) (прост.). 2. с определением. Мужчина, мальчик как носитель личных свойств, качеств, хороших или не самых лучших (разг.) [8].

Анализ материала словарей показал, что В. Астафьев отказывается называть человеком слабосильного, психопаточного, злого, жестокого, не знающего меры, то есть такого, который может, не задумываясь, убить (*мать со свету свел, за пазухой у него ножик*). Автор подчеркивает, что эти качества присущи героям изначально: *он с детства экий*.

Для идиостиля В. Астафьева частотно употребление предложно-падежного сочетания «с детства»: «с детства экий»; «с детства всякой работе обучил»; «А она к тяжелой работе непривычна, с детства непривычна» («Печальный детектив») [1].

Тема детства часто связана у В. Астафьева с темой сиротства, обездоленности, раннего осознания несправедливости мира: *плохо в детстве кормленный*. Важными в ХКМ В. Астафьева оказываются также мотивы игры, связанные с темой детства: *«отыграл детство свое в "железнодорожника"»* («Печальный детектив») [1]; *«лицом брата — вылитый папа, но больше всего было все же в нем мальчишки. Не прожитое, не отыгранное, не отбеганное детство бродило в парне и растянулось на всю жизнь... Видать, природой заказанное человеку должно так или иначе исполниться»* («Царь-рыба») [7].

ИГРА 1. Действие по глаг. играть (в 1 знач.). || Деятельность, занятия детей [6].

В. Астафьев рассуждает о том, что многие дети рано взрослеют. Сам писатель с детства был вынужден вести борьбу за выживание. Несмотря на трудное сиротское детство, писатель вырос равнодушным к чужой беде, чутким, нравственным человеком, любящим жизнь. Именно забота и любовь бабушки сформировали его восприятие мира: *«Всегда слышала меня бабушка. Всегда приходила ко мне в нужную и трудную минуту. Всегда спасала меня, облегчала мои боли и беды, но сейчас не придет. Я вырос, и жизнь развела нас. Всех людей разводит жизнь. Зачем я хотел скорее вырасти? Зачем все ребяташки этого хотят? Ведь так хорошо быть парнишкой. Всегда возле тебя бабушка»* («Последний поклон») [7]. В приведенном контексте интересующее нас концептуальное содержание передано имплицитно. Неоднократный повтор наречия «всегда» позволяет реализовать идею вневременности (была, есть, всегда будет в памяти). Совмещение наивной точки зрения ребенка и точки зрения взрослого героя-рассказчика формирует художественный образ сказочного детства: *«много в детстве было такого, что потом не встречалось больше и не повторялось, к сожалению»* («Последний поклон») [7].

Обратимся к одному из ключевых произведений В. Астафьева, автобиографиче-

ской книге рассказов «Последний поклон», в которой впервые была раскрыта тема золотого, сказочного детства. Первоначально цикл рассказов назывался «Страницы детства». Этому произведению предшествует эпиграф: «Мир детства, с ним навечно расставанье, // назад ни тропок нету, ни следа, // тот мир далек, и лишь воспоминанья // все чаще возвращают нас туда». В воспоминаниях Виктор Астафьев называл этот эпиграф чудесным, а эмоцию, связанную с ним, охарактеризовал словосочетанием *сладкая грусть*: «...и чудесный эпиграф Кайсына Кулиева со сладкой грустью предварял его» (цикл. — О. А.) [7]. По замечанию писателя, рассказы писались легко, быстро, радостно: «С появлением рассказов "Конь с розовой гривой" и "Монах в новых штанах" я понял, что из всего этого может получиться книга. И она получилась. В 1968 году в Перми вышла книга под названием "Последний поклон". <...> Но жизнь шла вперед, и я вместе с нею куда-то двигался. <...> Не вдруг, не сразу, но понял я, что чего-то в "Поклоне" не договорил, "перекосил" книгу в сторону благодушия, и получилась она несколько умильной, хотя я к этому сознательно и не стремился, а все же жизнь пообтесал, острые углы пообпиливал, чтоб дорогие читатели, советские прежде всего, за них штанами не цеплялись и колени не ушибли. А ведь жизнь-то тридцатых годов не из одних веселых детских игрушек и затейливых игр состояла, в том числе и моя жизнь и жизнь близких мне людей. Продолжались раздумья, воспоминанья, продолжалась во мне книга. Уже живя в Вологде, я написал новые главы "Последнего поклона" и однажды издал книгу в Москве, состоящую из двух частей. Встретивший меня как-то мудрый горец и славный поэт Кайсын Кулиев спросил: "Что же эпиграф-то снял? — и сам себе ответил, грустно покачивая головой: — Понимаю. Книга переросла воспоминания детства". Нет, книга не "переросла детства". Как его перерастешь? Оно

вечно с нами, со своим вечным, прекрасным, радостным обликом и звонким голосом. Книга ушла из детства дальше, в жизнь, и двигалась вместе с нею, с жизнью» [7]. Это произведение — яркий пример того, как личный образ (детства) становится художественным образом, повествование выходит за границы автобиографического. В дальнейшем художественные образы «Последнего поклона» находили свое выражение во всех поздних произведениях писателя, формировали его идиостиль и ХКМ. В «Последнем поклоне», так же как и в «Царь-рыбе» и «Печальном детективе», в эмотивном пространстве совмещаются временные планы и точки зрения взрослого и ребенка.

Содержание художественного образа детства в творчестве В. Астафьева определяется прежде всего на основе значения конкретных вербализаторов, их парадигматических и синтаксических связей, представленных в художественных текстах. Приведем фрагменты «Последнего поклона», в которых семы «детское» и «взрослое» реализуются благодаря использованию слов с этими семами. Представляется, что данные экспликанты особо значимы, несмотря на то что количество контекстов, представляющих их, невелико.

а) *«Жил в караулке Вася-поляк. Роста он был небольшого, хром на одну ногу, и у него были очки. Единственный человек в селе, у которого были очки. Они вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребятишек, но и у взрослых»* («Далекая и близкая сказка») [7]. Использование союза «не только... но и...» позволяет подчеркнуть то, что взрослому человеку, как и ребенку, свойствен наивный взгляд на мир: в данной ситуации взрослые пугливо уважают поляка прежде всего потому, что у него есть очки, то есть герой кажется им очень умным.

б) *«Впоследствии я убедился, что жизнь постигнуть даже взрослым людям не всегда удается»* («Далекая и близкая сказка») [7]. Употребление в контексте лексемы

«взрослые» при отсутствии прямого указания на сравнение с детьми позволяет эксплицировать идею о том, что взрослый не всегда умнее, чем ребенок, потому что постичь жизнь — задача, как оказывается, не из легких. Можно говорить как о сопоставлении, так и о противопоставлении взрослого и ребенка.

в) *«Вообще-то он был, конечно, Михаил, вполне взрослый человек, но так уж все его звали на селе — Мишка и Мишка»* («Гуси в полынье») [7]. Уменьшительное имя, применяемое чаще всего к детям, используется по отношению к взрослому человеку, по видимому, потому, что этот взрослый сохранил наивную искренность и безоговорочную открытость миру, которые присущи детям.

г) *«Мы задумались. Ребятишки-ребятишки, но понимали, что с Енисеем шутить нельзя, к полынье подобраться невозможно»* («Гуси в полынье») [7]. Конструкция с противительным союзом «но», использованная писателем, и повторение лексемы «ребятишки» усиливают сему «ясно, в полной мере осознавать», ядерную в семантической структуре глагола и связанную скорее со взрослым, а не детским восприятием. Повтор («ребятишки-ребятишки») имеет уступительное значение «хотя и». Можно также говорить как о сопоставлении, так и о противопоставлении ребенка и взрослого (ребятишки не должны быть очень понимающими).

д) *«Много в детстве было такого, что потом не встречалось больше и не повторялось, к сожалению»* («Монах в новых штанах») [7]. Глагол *быть* в форме прошедшего времени и повторение отрицательной частицы «не» актуализируют потенциальные имплицитные семы слова «детство», такие как «праздник» и «радость».

е) *«Первый раз пересекали мы Енисей в ту пору, когда переплывать его и взрослый-то не всякий решался»* («Ночь темная-темная») [7]. В данном контексте снимается антитеза «взрослый — ребенок», которая закреплена в словарях. Для того чтобы

решиться совершить рискованный поступок, вовсе не обязательно быть взрослым: ребенок может быть рассудительным и может обдуманно рисковать. Постфикс *-то* придает оттенок значения «и даже». В данном контексте семантика лексем «ребенок» и «взрослый» также сближаются.

ж) «...дед не выдержал, укорил бабушку:

– Ровно на коня валишь! Ребенок все же!

Слово «ребенок» по отношению к Саньке звучало неубедительно как-то...

Санька потребовал добавить ношу, бабушка покосилась в сторону деда:

– Надсадишься! Ребенок все же...

– Ништя-а-ак! Наваливай, не разговаривай! — нетерпеливо перебирая ногами, Санька жевал с крепким хрустом белую кочерыжку» («Осенние грусти и радости» [7].

Лексема «ребенок», неоднократно повторенная, в данном контексте усиливает ассоциацию «взрослый, хоть и ребенок», которая непременно должна возникнуть у читателя по отношению к герою, парнишке Саньке.

з) «Всегда слышала меня бабушка. Всегда приходила ко мне в нужную и трудную минуту. Всегда спасала меня, облегчала мои боли и беды, но сейчас не придет. Я вырос, и жизнь развела нас. Всех людей разводит жизнь. Зачем я хотел скорее вырасти? Зачем все ребятишки этого хотят? Ведь так хорошо быть парнишкой. Всегда возле тебя бабушка» («Где-то гремит война» [7]. Повторение лексем, параллелизм синтаксических конструкций и кольцевая композиция создают эффект вневременности: выросший рассказчик не только вспоминает, как было, когда он был парнишкой, но заново переживает те же чувства, которые испытывал в детстве.

По мнению писателя, детство *не отыгранное, не прожитое, не отбеганное* формирует мировоззрение взрослого человека:

«Он передернул плечами, стряхивая с себя наваждение вкрадчивой сказочки, настраиваясь внутренне сопротивляться ахинее, на которую покупался он в детстве...» («Печальный детектив» [7]; «И щипнула

сердце Командора тихая зависть: "Вот бы всегда парнишкой быть! Ни тебе горя, ни печали, рыбачил бы, из рогатки птишку выцеливал, картошку печеную жрал..."» («Царь-рыба» [7]. Подобные примеры прямо указывают на активную роль детских воспоминаний в формировании характера и мировоззрения человека. Использование экспрессивно окрашенных лексем (*сказочка, ахинея, попутаться, жрать*) позволяет раскрыть внутренний мир героев: автор рисует в памяти озлобленных, азартных, запутавшихся, разочарованных взрослых мужчин сказку, как в детстве, когда они любили и любили их. Герои завидуют сами себе, злятся, что не могут забыть воспоминания золотого детства. Именно в такие моменты герои как никогда сочувствительны и человечны.

Во всех рассмотренных фрагментах произведений «Последний поклон», «Царь-рыба», «Печальный детектив», в отличие от толковых словарей, лексемы «ребенок» и «взрослый» не противопоставлены друг другу. Ребенок может вести себя, как взрослый, может быть «вечным» взрослым или остаться «вечным» ребенком — в текстах конструируется множество комбинаций смыслов. Выделенные эмотивные точки зрения включаются в конструкции сравнения друг с другом, в отношения сопоставления. Возможны следующие варианты и сочетания:

- 1) не только ребенок, но и взрослый;
- 2) даже взрослым не удастся;
- 3) вполне взрослый, но;
- 4) ребятишки ребятишками, но;
- 5) ребенок как взрослый;
- 6) мы делаем, когда взрослый-то не всякий решится.

Рассказчик в «Последнем поклоне», как и в «Царь-рыбе» и в «Печальном детективе», совмещает в себе две точки зрения, объективную и субъективную: точку зрения взрослого-философа и ребенка. Детское и взрослое — *разные* эмоциональные пространства, которые находятся в отно-

шениях сопряжения и составляют антиномичную пару. Под термином «сопряжение» понимается *конструирование в художественном тексте с помощью языковых средств смысловой ситуации, организующим центром которой является антиномичная пара (или группа), составляющие которой взаимно обуславливают друг друга, то есть обеспечивают отсутствие семантического конфликта.*

Итак, анализ всех текстовых фрагментов повествования в рассказах «Царь-рыба», романа «Печальный детектив» позволяет утверждать, что прием совмещения наивного и взрослого взгляда типичен для идиостиля В. Астафьева. Рассмотренные примеры показывают, что основой ХКМ писателя можно считать точку зрения *идеального детства*, которая эксплицитно или

имплицитно представлена во всех художественных произведениях.

Образ детства включает следующие смысловые компоненты: «игра», «играть», «золотой», «любовь», «любить», «добро», «сказка», «праздник», «радость», «отрада», «ясный», «гореть», «счастье». В ХКМ В. Астафьева невозможно включение в ассоциативно-семантическое поле лексемы «детство» лексических единиц с отрицательными коннотациями, что обусловлено индивидуально-авторским, безусловно и интенсивно положительным восприятием детства. Можно с полной уверенностью утверждать, что особенности лексического воплощения и специфика трансформации общеязыковых смыслов в образе детства является показательной чертой художественной картины мира этого автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астафьев В. П.* Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск, 1997. URL: <http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm> (даты обращения: 20.04.2015, 13.12.2015, 21.02.2016).
2. *Куликова И. С.* Мир русской природы в мире русской литературы (слова-названия растений в русской художественной картине мира). СПб., 2006.
3. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя: сб. статей. Л.: Художественная литература, 1974.
4. *Миллер Л. В.* Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб., 2003.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Большой толковый словарь. М., 2003.
6. *Олишко Н. С.* Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-kak-polilog-avtora-chitatelya-i-teksta> (дата обращения: 23.03.2016).
7. *Руднев В. П.* Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998.
9. *Самарская Т. Б., Мартиросьян Е. Г.* Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста // URL: <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf> (дата обращения: 30.03.2016).
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
11. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2003.

REFERENCES

1. *Astafev V. P.* Sbranie sochineniy: v 15 t. Krasnoyarsk, 1997. URL: <http://www.fro196.narod.ru/library/astafiev/astafiev.htm> (datyi obrascheniya: 20.04.2015, 13.12.2015, 21.02.2016).
2. *Kulikova I. S.* Mir russkoy prirody v mire russkoy literatury (slova-nazvaniya rasteniy v russkoy hudozhestvennoy kartine mira). SPb., 2006.
3. *Larin B. A.* Estetika slova i yazyik pisatelya: sb. statey. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1974.
4. *Miller L. V.* Hudozhestvennaya kartina mira i mir hudozhestvennyih tekstov. SPb., 2003.

-
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Bolshoy tolkovyy slovar. M., 2003.
  6. Olizko N. S. Hudozhestvennyy diskurs kak polilog avtora, chitatelya i teksta // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-diskurs-kak-polilog-avtora-chitatelya-i-teksta> (data obrascheniya: 23.03.2016).
  7. Rudnev V. P. Teoretiko-lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1996.
  8. Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkovyy slovar, sistematizirovannyiy po klassam slov i znacheniy / Rossiyskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; pod obsch. red. N. Yu. Shvedovoy. M., 1998.
  9. Samarskaya T. B., Martirosyan E. G. Hudozhestvennyy diskurs: spetsifika sostavlyayuschih i osobenosti organizatsii hudozhestvennogo teksta // URL: <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf> (data obrascheniya: 30.03.2016).
  10. Slovar russkogo yazyika: v 4 t. / pod red. A. P. Evgenevoy. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1981–1984.
  11. Slovar sinonimov russkogo yazyika: v 2 t. / pod red. A. P. Evgenevoy. M., 2003.

Г. А. Жуковская, А. Ю. Пентина

СПЕЦИФИКА ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЕ «КУЛЬТУРА РЕЧИ» В СИСТЕМЕ MOODLE ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Применение интернет-технологий в образовании позволяет изменить содержание деятельности преподавателя и студента в процессе подачи и получения знаний, повысить эффективность учебного процесса. Одной из форм дистанционной поддержки аудиторного обучения дисциплине «Культура речи», обязательной для всех факультетов, являются курсы в Moodle (англ. Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment). Бесспорно то, что только преподаватель высокого уровня квалификации способен разработать дистанционные ресурсы, осуществлять контроль качества, сравнительный анализ, обеспечить уровень самостоятельности студентов и их творческую вовлеченность в процесс.

Ключевые слова: компьютерные технологии, система дистанционного образования (СДО), система Moodle, культура речи, речевые нормы, вебинар, аудио- и видеосюжеты, тестовые задания, речевое общение, технологическая карта, преподаватель, студент.

G. Zhukovskaya, A. Pentina

SPECIFIC FEATURES OF E-LEARNING IN «CULTURE OF RUSSIAN SPEECH» COURSE FOR STUDENTS OF NON-LIBERAL ARTS DEPARTMENTS

The application of Internet technologies in education allows changing the contents of a teacher and a student common educational activity, to raise the productivity of the educational process. One of the e-learning support inside a classroom during the course «Culture of Russian Speech» (the course is mandatory for students of all the departments) is the Moodle System (from Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment). Definitely, high proficiency level teacher is able to make e-learning courses, monitor the quality of educational process and its analysis, and control the level of students' self-dependence and their creative engagement into the process.

Keywords: computer technologies, system of e-learning, Moodle system, culture of speech, speech norms, webinar, audio- and video-pieces, testing tasks, speech communication, process sheet, teacher, student.

Использование компьютерных коммуникаций — примета нашего времени, его неотъемлемая часть. В современном обще-

стве гораздо проще получить знания, а также сведения в тех или иных областях науки или просто жизни благодаря этим технологиям.